

Александр Иванович Куприн

Серебряный волк

Ротдественский расназ

Текст издания: А. И. Куприн. Собрание сочинений в 9 томах. Том 3. М.: Худ. литература, 1971. С. 105 - 96.

Электронная версия: В. Есаулов, октябрь 2007 г.

- Станция Волчья! Поезд стоит пять минут! - закричал кто-то внизу, под окном, быстро проходя с фонарем вдоль поезда. Захватив ручной багаж и ружье в чехле, я вышел из вагона.

Была декабрьская ночь - тихая, светлая и не холодная. Снег только что перестал падать. Маленькая, еле освещенная станция в Полесье казалась неживой и забытой всем миром.

Я оглянулся по сторонам и с удовольствием увидел давно знакомую мне фигуру Трохыма Щербатого, всегда выезжавшего за мною на эту далекую станцию. В своей обычной коричневой свитке, обшитой по швам красным шнуром, в огромной бараньей шапке, нахлобученной поверх ушей, с ременным батогом в руке, он стоял посреди платформы, широко расставя ноги, и глядел, раскрывши рот, на освещенные окна вагонов. Я окликнул его.

- А! Здорово, панычу. Гай богу![*] - прокричал Трохым обычное полесское приветствие и, на ходу, дотронулся рукою до верха своей шапки.- А я вас по тех вагонах шукал. Ну что же? будем ехать, паныч? Бо кони застоялись.

[*] - *Помогай богом! (Прим. А. И. Куприна.)*

- Поедем. А как дорога по лесу?

- Дорога ничего. Добрая дорога. Трошки только снегом позамело, да я добре протропил ее. Позвольте-ка, панычу, ваш чумардан.

Мы вышли на станционный двор. Посредине его, как и на всех полесских станциях, возвышался круглый палисадник, теперь высоко заваленный сугробами.

Привязанные у забора, хорошо знакомые мне, две гнедые лошади Трохыма, маленькие, пузатые, шершавые и сердитые "муцики", ели сечку, низко опустив косматые головы в рядно. Услышав нас, они одновременно повернули к нам спутанные гривы и насторожили острые уши.

Мы уселись. Трохым зачмокал и задергал вожжами, высоко подымая локти. Промерзшие лошаденки тронули мелкой, но веселой и согласной рысцой, Трохым не погонял их, берег: до "Казимирки" нам предстояло сделать, обратным путем, двадцать с лишним верст. Время от времени - и то больше по привычке - он ободрял их странными туземными восклицаниями:

"Хаття вы! хаття ну! виштя кагаты! Отту ни! Виштя вье!" и так далее...

Сейчас же за станцией пошел лес, огромный казенный хвойный лес, входивший в состав южной части знамени-той Беловежской пуци. Узкая дорожка вилась между двумя стенами вековых гигантских сосен такими капризными поворотами и зигзагами, с которыми умеют справляться только одни маленькие, ловкие и привычные полесские лошадки. Вершины деревьев, теряясь где-то в неизмеримой высоте, оставляли над нашими головами тонкую ленточку мутного неба, едва освещенного молодым месяцем, и видно было, как в этом далеком просвете с необыкновенной быстротою проносились клочья легких и прозрачных, как пар, облаков.

Сани беззвучно скользили по свежей, нежной пороше, и только на крутых поворотах слышалось, как снег, уминаемый полозьями, звучно похрустывал. Великаны сосны протягивали через дорогу, точно